
Къ 50-ти лѣтію смерти Герцена.

---

21 января 1920 года исполнится пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти Александра Ивановича Герцена. Онъ умеръ изгнанникомъ и до сихъ поръ не возвращенъ родинѣ. Нѣтъ полнаго собранія сочиненій Герцена, не говоря о другихъ способахъ увѣковѣченія памяти его. До 1905 года мѣшала цензура и другія опасенія. А что мѣшало послѣ? — Русская неподвижность, привычка дѣлать дѣло между дѣломъ, грѣхъ лѣни и самолюбій. И приходится повторять вслѣдъ за Л. Толстымъ : какой великій писатель, и какъ жаль, что Герцена не знали наши молодыя поколѣнія — иначе пошла бы исторія !

Герцена и до сихъ поръ толкомъ не знаютъ. Весной 1919 года я заговорилъ о Герценѣ съ однимъ очень прославившимся социалистомъ - революціонеромъ. — "Да вѣдь Герценъ — большевикъ" (?!), замѣтилъ онъ. — Очевидно, онъ Г-на не читалъ.

Осенью того же года я опровергалъ мнѣніе одного очень пылкаго націоналиста, одного изъ вождей, утверждавшаго, что сочувствіе освобождающимся славянамъ было въ Россіи только у консерваторовъ. . — Да вы Герцена читали? спросилъ я: что онъ писалъ о славянскомъ движеніи? — "Ну вотъ нашли Герцена? Онъ славянамъ столько же сочувствовалъ сколько бразильцамъ, если бы они подняли революцію..."

А не состарѣлся ли Герценъ? То, что имъ написано, имѣеть ли другой интересъ, кромѣ историческаго?

Конечно, не все написанное Герценомъ живо и блестяще въ нашихъ глазахъ такъ, какъ 50-60 лѣтъ тому назадъ, но главная масса того, что написать Герценъ, жива, какъ будто вчера написана. Перечитывайте его и, если вы русскій и даже не русскій, вы передумываете вмѣстѣ съ нимъ, переживаете страстно всѣ вопросы, которыми сейчасъ болѣеть и страдаетъ наша родина, волнуется весь мѣръ.

"Мнѣ въ твоихъ статьяхъ нравится то, что мнѣ нравится въ Вольтерѣ и Дидро", такъ говоритъ Герцену Грановскій: онѣ живо, рѣзко затрагиваютъ такіе вопросы, которые будятъ человѣка и толкаютъ его впередъ.

Нѣтъ и въ настоящую минуту, къ началу 1920 года, ни одного изъ основныхъ вопросовъ жизни, который бы не былъ поставленъ или затронутъ Герценомъ.

И теперь, какъ въ 1868-69 году, когда Герценъ писалъ къ Бакунину свои "Письма къ старому товарищу", въ сущности есть только одинъ вопросъ. Этому вопросу, — вопросу общественаго пересозданія, призванія къ достойной жизни массъ народныхъ, строительство новой вѣси, — посвящено все, что писалъ Герценъ о западѣ — и о Россіи для запада:

Письма изъ Франціи и Италіи, съ того берега, письма къ Мишле, къ Линтону, къ старому товарищу-Бакунину.

Въ исторіи русскаго сознанія Герценъ представляетъ собою поворотную точку. Онѣ подвелъ итоги Императорскаго, Петербургскаго періода русской исторіи, намѣтилъ выходы, поставилъ вѣхи, и звалъ свою страну къ освобожденію, къ обновленію, указывая на великое будущее, передъ нею открывающееся. Русскій народъ, Россія были для Герцена — вѣрой, страстью, зазубой,

по его выраженію. Тутъ, въ Россіи, казалось Герцену, совершится то поступательное движеніе, то осуществленіе общественнаго идеала, который западно-европейскіе народы постигли мыслью, но не способны осуществить..

Герцень самъ про себя писалъ друзьямъ своимъ изъ Парижа, когда рѣшилъ не возвращаться въ Россію: "я здѣсь — безцензурная рѣчь ваша". Герцень западникъ, ибо онъ усвоилъ себѣ идеаль новаго строя выработанный западною мыслью. Герцень вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлитъ сомнѣнія славянофиловъ въ будущемъ Западе, вмѣстѣ съ ними цѣнитъ сохраненныя русскимъ народомъ социально-экономическія начала быта — общину и артель, вмѣстѣ съ ними вѣритъ въ будущее русскаго народа (1).

Въ судьбу западно-европейскихъ народовъ Герцень не вѣрилъ. Вырвавшись въ 1847 году на свободу послѣ двухъ ссылокъ изъ -подъ полицейскаго надзора, Герцень встрѣчается съ Западной Европой весело и радостно. Но скоро для него начинается зловѣщее раздумье и мучительный разборъ. Во Франціи 1847 года онъ встрѣчаетъ сочувствіемъ только страданія и стремленія пролетарія и друзей его. Ему казалось, что Францію можетъ воскресить только коренной экономической переворотъ — 93 годъ социализма (не на эти ли строки опираются тѣ, кто считаетъ Герцена большевикомъ?) "Но гдѣ его силы на него? Гдѣ мозгъ?"

Еще до революціи 1848 года у Герцена растетъ сомнѣніе въ возможности мгновенныхъ пересозданій общественной жизни. Ему ясна зависимость историческаго процесса отъ условій психологическихъ, физиологическихъ, неизмѣняемыхъ по волѣ лица. Колеблется вѣра въ катастрофическія перемѣны, въ революціонныя

---

1) Онъ наиболѣе опредѣленно выражаетъ возрѣнія двухъ лагерей русской мысли—западниковъ, и славянофиловъ. Имъ замыкается долговременный споръ этихъ двухъ направленій.

пути. "Съ горькимъ сомнѣнъемъ и нерѣшенными вопро-сами" покидалъ Герценъ Францію въ концѣ 1847 года.

Въ Италіи Герценъ встрѣтилъ праздничные дни воз-рожденія. Тамъ дошла до него 24 Февраля ошеломляю-щая вѣсть — въ Парижѣ республика! Герценъ увлеченъ первоначальнымъ торжествомъ революціи. Для него воскресаютъ всѣ вѣрованія юности. Онъ измѣняетъ своему скептическому взгляду, своей статьѣ "Передъ грозой" въ сборникѣ "Съ того берега".

Но подавленіе Іюньскаго возстанія рабочихъ въ Парижѣ, разгромъ движенія въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ Венгріи и Италіи, губили въ концѣ возродившюся было на краткій срокъ вѣру въ революцію на Западѣ.

Тамъ Герценъ видитъ только признаки прибли-жающейся смерти. Ужъ въ ноябрѣ 48 года онъ привѣт-ствуетъ смерть стараго міра, но еще вѣритъ въ будущее. Онъ совѣтуетъ проповѣдывать смерть, какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія. "Кайтесь, господа, кайтесь! Судъ міру вашему пришелъ".

Въ письмѣ къ друзьямъ отъ 1 марта 1849 года, гдѣ Герценъ объясняетъ свою эмиграцію, онъ пишетъ. "я ви-жу неминуемую гибель Европы и не желаю ничего изъ существующаго!... "я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ какъ въ кучку людей, въ небольшое число мыслей, да въ невозможность останѡвить явленіе..." Послѣ дскабь-скаго переворота 1851 года, когда Бонапартъ захва-тилъ Францію, Герценъ восклицаетъ: да здравствуетъ смерть!

Онъ предсказываетъ войну и гибель цивилизаціи.

Вся Европа будетъ втянута въ общій разгромъ.

Города, взятые приступомъ, ограбленные, обѣднѣ-ютъ... въ деревняхъ будетъ пусто, земля останется безъ гукъ ..

Усталые, заморенные народы покорятся всему, деспотизмъ замѣнитъ законность...

И тутъ на краю гибели и бѣдствій начнется другая война, домашняя, своя, расправа неимущихъ съ имущими... Современный государственный бытъ, съ своею цивилизаціей погибнетъ... Вамъ жаль цивилизаціи?

Жаль ся и мнѣ, но не жаль массамъ "...

Такъ рушилась вѣра Герцена въ Западъ.

"Когда послѣдняя надежда исчезла, когда осталось самоотверженно склонить голову и молча принимать довершающіе удары, какъ послѣдствія страшныхъ событий, вмѣсто отчаянія въ груди моей,—писалъ Герценъ въ 1858 году,—возвратилась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью вернулся назадъ. Вѣра въ Россію спасла меня отъ нравственной гибели".

Съ этого времени туда на родину постоянно обращена мысль Герцена. Живя на Западѣ, онъ слѣдитъ за его жизнью съ вниманіемъ, но безъ вѣры. Годъ за годомъ онъ отмѣчаетъ признаки разложенія въ Наполсеновской Франціи, ростъ все охватывающей китайщины и мѣщанскаго застоя въ Англіи, гдѣ, Герцену кажется также, какъ и Джону Стюарту Миллю, торжествуетъ собирательная посредственность...

Даже въ любимой Италіи, на глазахъ его объединенной и возрожденной, Герценъ не видитъ заманчиваго будущаго. "До Рима, все пойдетъ не дурно, хватить и энергіи и силы. А послѣ? Какой же актъ возвѣстится намъ съ высоты Капитолія и Квиринала, что провозгласится міру на Римскомъ Форумѣ?... Что же дѣлать? Гдѣ выходъ? Я его не знаю" (писано въ 1867 году).

Мѣщанство — вотъ чѣмъ кажется Герцену будущее Запада. Оно проникаетъ всю жизнь Запада, общественную и частную, налагаетъ печать свою на лица и характеры, чеканя ихъ по единообразному среднему образцу,

оно мертвитъ искусство, сглаживая и равняя всё порывы, всё эксцентричности. У вождей мысли сомнѣніе и тоска — у Милля и Кинс, какъ у Ренана... Идеальное социальное переустройство выношенъ людьми Запада, но осуществленіе его у народовъ нѣтъ силъ... Герценъ ихъ не видѣлъ, а съ ужасомъ видѣлъ надвигающійся приракъ войны.

Нельзя безъ волненія читать предвидѣнія Герцена и предсказанія 1867 года.

Въ мартѣ 1867 году онъ пишетъ: "Я не вѣрю, чтобы судьбы міра надолго оставались въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцоллерновъ. Это невозможно, это противно чело-вѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ. Я скажу, какъ Кантъ Лиру, только обратно: "Въ тебѣ, Боруссія, нѣтъ ничего, что бы я могъ назвать царемъ"... Но все же она (Пруссія) будетъ предписывать законы Европѣ, до тѣхъ поръ, пока законы ея будутъ предписывать штыкомъ и исполнять картечью, по самой простой причинѣ, потому что у нея больше штыковъ и больше картечей..."

Въ декабрѣ того же года: "Графъ Бисмаркъ, теперь ваше дѣло!" Обращаясь къ Маццини и Гарибальди, послѣднимъ могиканомъ, Герценъ говоритъ: "теперь дайте мѣсто безумію, бѣшенству, крови, которыми или Европа убьетъ себя, или реакція".

"Теперь миллионъ отсюда, миллионъ оттуда съ иголками и другими пружинами. Теперь пойдутъ озера крови, моря крови, горы труповъ,... а тамъ тифъ, голодъ, пожары, пустыри".

— Война семилѣтняя, тридцатилѣтняя, вотъ будущее, котораго Герценъ ждалъ для Европы...

Совершилось по слову Герцена, но только въ общихъ чертахъ. Выбитъ скипетръ изъ рукъ Германіи, вырваны изъ рукъ ея судьбы Европы. вмѣстѣ съ гегемо-

нѣй Пруссіи убита и реакція... И другая половина предсказанія исполнилось, но не такъ, какъ думалъ Герценъ: Европа не убита, а истерзанная, ошеломленная, въ отчаяніи голода, въ страданіяхъ кроваваго междоусобія, гибнетъ, повидимому, Россія, которую онъ любилъ, въ которую вѣрилъ, противопоставляя ее Европѣ Западной...

Въ эти мрачные дни да будетъ намъ свято воспоминаніе о Герценѣ, ради его пламенной любви къ родинѣ, ради его вѣры въ Россію. Герценъ вѣрилъ въ Россію, когда никто въ нее не вѣрилъ, даже сама она.

Страшнымъ ледникомъ деспотизма лежала эта страна въ царствованіе Николая I, угрожая свободѣ, праву, цивилизаціи. Молчала Россія. Только голосъ власти былъ слышенъ оттуда, власти всюду подавляющей народныя движенія, всюду терзающей жизнь. Народъ точно мертвый, повиновался всему, — царю и помѣщику. Кто могъ вѣрить въ Россію? Лучшіе умы, какъ Мишле во Франціи, сомнѣвались, есть ли у этого народа нравственное чувство. Есть ли у него будущее? Изгнанникъ вступился за свою родину, за честь и будущее народа своего. Вѣру въ русскій народъ исповѣдывалъ Герценъ въ пламенныхъ выраженіяхъ. Въ письмѣ къ Мишле впервые высказаны основныя начала того воззрѣнія, которое Герценъ неустанно проповѣдывалъ чужимъ и своимъ. Письмо озаглавлено: русскій народъ и социализмъ.

Оно начинается защитой русскаго народа отъ обвиненій въ отсутствіи нравственнаго чувства. Русскій человѣкъ, говорилъ Мишле, лжетъ и крадетъ, крадетъ и лжетъ, и при томъ совершенно наивно. Это въ его природѣ. — У кого крадетъ? спрашиваетъ Герценъ: — у помѣщика и чиновника, защищая свое имущество. Кому лжетъ? — помѣщику и чиновнику, защищая себя. Воровство и ложь между крестьянами величайшая

рѣдкость. У русскаго народа, говорятъ, нѣтъ нравственности. Какой нравственности? О какой справедливости рѣчь? Истинное и справедливое старой Европы — ложь и несправедливость для новой. Нравственность русскаго народа можетъ сложиться на тѣхъ основаніяхъ, которыя составляютъ его религіозно-общественную особенность...

Право на землю предполагаетъ иную нравственность, другія общественныя отношенія, не развивавшіяся, но и не замѣнимыя чужими...

Герцень радуется, что русскій народъ сохранилъ общину. Она спасла его... она, хоть и сильно потрясенная, благополучно дожила до развитія социализма въ Европѣ.

Человѣкъ будущаго въ Россіи мужикъ, точно также, какъ во Франціи работникъ...

Россія жива! Россія вся въ будущемъ.

Послѣ крестьянскаго коммунизма ничто такъ глубоко не характеризуетъ Россію, ничто не предвѣщаетъ ей столь великой будущности, какъ ея литературное движеніе.

Настоящій характеръ русской мысли развивается въ полной силѣ по восшествіи на престолъ Николая. Отличительная черта этого направленія — трагическое освобожденіе совѣсти, безжалостное отрицаніе, горькая иронія, мучительное углубленіе въ себя.

Мыслящій русскій самый независимый человѣкъ на свѣтѣ.

Мы независимы, потому что начинаемъ жить съизнова. Мы независимы, потому что ничего не имѣемъ...

Мы покоряемся грубой силѣ. Мы рабы, потому что не имѣемъ возможности освободиться; но мы не принимаемъ ничего отъ нашихъ враговъ, — и Герцень гордо пророчить:

Россія никогда не будетъ *juste milieu*.

Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлью отдѣлаться отъ царя Николая, и замѣнить его царями — представителями, царями — судьями, царями — полицейскими.

Герцень кончаетъ сказкой про Ивана Царевича, котораго засмолили въ бочку и бочку бросили въ море.

Царевичъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Ему стало въ бочкѣ невыносимо тѣсно. Разъ протянуться на волоскѣ, а тамъ хоть умереть.

Царевичъ и понатужился немножко, вынулъ дно и вышелъ вонъ.

Въ этой сказкѣ вся исторія Россіи...

И это въ сентябрѣ 1851 года.

Съ тѣхъ поръ Герцень только разъ обращаетъ проповѣдь и развитіе этихъ основныхъ началъ къ западно-европейской публикѣ въ письмахъ къ Линтону въ 1854 году.

Въ февралѣ 1853 года Герцень открываетъ въ Лондонѣ русскую вольную типографію. Съ тѣхъ поръ его рѣчь, его проповѣдь обращена къ Россіи. —

Безконечно велико значеніе почина Герцена. Вольная печать — начало освобожденія. Среди равнодушія, встрѣченный сомнѣніемъ друзей, началъ Герцень свою лондонскую проповѣдь, полагаясь только на себя, рассчитывая на будущія, непроявляющіяся пока силы... Онѣ нашлись, когда проснулась Россія послѣ Севастопольскаго разгрома. Послѣ вступленія на престолъ Императора Александра II другимъ пульсомъ стала биться русская жизнь. Оживились надежды. Началась работа обновленія.

Герцень обращается къ Александру II со словами привѣта и призыва. Герцень ограничиваетъ себя. "Намъ стыдно, сколь малымъ мы готовы довольство-

ваться". Герценъ ставить своему времени требованія только осуществимыя, зоветь сдѣлать первые, неотложные шаги, — прежде всего — освобожденіе крестьянъ съ землею. Государя онъ просилъ: "дайте крестьянамъ землю, она и такъ имъ принадлежит. Освобожденіе слова отъ цензуры — намъ есть что сказать! — Освобожденіе податнаго сословія отъ побоевъ. —

Въ отношеніи Россіи, мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго вѣрованія, — чтобы съ нея спали, наконецъ, ненужные старые свивальники, мѣшающіе могучему развитію ея".

Герценъ въ своихъ обращеніяхъ къ Александру II находить трогательныя слова, къ сердцу идущіе доводы въ защиту вѣры въ народъ русскій. "Еслибъ у насъ весь прогрессъ совершался только въ правительствѣ, мы дали бы міру еще небывалый примѣръ самовластна, вооруженнаго всѣмъ, что выработала свобода, — рабства и насилія, поддерживаемаго всѣмъ, что нашла наука. Это было бы нѣчто вродѣ Чингисъ-Хана съ телеграфами, пароходами, желѣзными дорогами, съ Карно и Монжемъ въ штабѣ, съ ружьями Минье, съ конгревовыми ракетами, — подѣ начальствомъ Батяя".

Рядомъ съ необычайной смѣлостью мысли, съ яснымъ прозрѣніемъ въ далекое будущее, у Герцена живое чутье задачъ современности. Въ его проповѣди мы ясно отличаемъ съ одной стороны установленіе основныхъ началъ русскаго развитія, постановку вѣхъ, опредѣляющихъ направленіе этого развитія, съ другой — сосредоточеніе борьбы около задачъ времени, напряженіе всѣхъ силъ на завоеваніе достижимаго (1).

1) «Колоколь» не звонитъ всемірной республики и солидарности народовъ. У насъ забота растолковать, что такое усадебная земля. Мы стремимся и хотимъ дѣйствовать въ нашемъ времени, въ современной Россіи, — это заставляетъ насъ не втѣснять вопросовъ, но стараться овладѣть тѣми, которые уже возникли...

Это достижимое — прежде всего освобождение крестьянъ съ землею.

Оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ къ тому пути социальнаго развитія, который открывается Россіи. Въ противоположность Западу будущее Россіи въ осуществленіи социальнаго идеала на исконныхъ народныхъ началахъ, на основѣ новаго земельного права.

"Любовь наша — пишетъ Герценъ — не только физиологическое чувство племеннаго родства... она тѣсно соединена съ нашими стремленіями и идеалами, она оправдана вѣрой, разумомъ, и потому она намъ легка и совпадаетъ съ дѣйствительностью всей жизни"...

"Для насъ русскій народъ преимущественно социальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной вѣси, къ которой стремятся всѣ социальныя ученія".

Элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ, элементы стародавнѣе, но теперь приходящія къ сознанию и встрѣчающіяся съ западнымъ стремленіемъ экономическаго переворота, состоятъ по Герцену изъ трехъ началъ: 1) права cadaго на землю, 2) общиннаго владѣнія, 3) мірскаго управленія. Задача времени сочетать развитіе общины съ личной свободой.

Нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ.

"Переворотъ" для Герцена не значитъ насиліе. Въ сентябрѣ 1857 г. онъ пишетъ: "мы не только наканунѣ переворота, мы вошли въ него. Когда рѣчь идетъ о переворотѣ, мы невольно ищемъ: площадь, баррикады, кровь, топоръ палача, но намъ это не нужно".

Для Герцена вопросъ не въ томъ, чтобы признавать или отрицать право на землю, но въ томъ, чтобы

привести его къ сознанию, обобщить, развить и поправить независимостью лица.

Это дѣло развитія, а не насилія.

Герцень ищетъ путей развитія, а не путей насилія. И думаетъ, что насилія и террора Россія можетъ и должна избѣжать...

Кто поведетъ страну по этому желанному пути?

Герцень очень много надеждъ возлагалъ на Александра II; не разъ онъ лично обращался къ нему, даже тогда, когда, послѣ начавшейся въ 1862 году реакціи, утратилъ вѣру первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра.

"Кто бы ни былъ тотъ, кто поведетъ Россію по пути соціального развитія, наше дѣло, — говоритъ Герцень, — идти къ нему съ хлѣбомъ-солью.

Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше... а будетъ ли оно въ мономаховской шапкѣ или фригійской — все равно. Развѣ французы мало доказали намъ, что за переводъ съ феодальнаго монархическаго языка мѣсть и чиновъ на римско-республиканскій, — не стоитъ проливать не только крови, но и чернилъ.

Англія совершала свои огромныя перемѣны и дома, и въ Ирландіи, и въ колоніяхъ, съ обычнымъ флегматическимъ покоемъ и въ совершенной тишинѣ... Артисты революціонеры не любятъ этого пути...

Терроръ легокъ и быстръ, гораздо легче труда; гнетъ не паритъ, сломитъ, не тужитъ, освобождаетъ деспотизмомъ, убѣждаетъ гильотиной...

Мы давно разлюбили обѣ чаши, полныя крови — военную и штатскую, и равно не хотимъ ни пить изъ черепа боевыхъ враговъ нашихъ, ни видѣть голову герцогини Ламбаль на пикѣ... Какая бы кровь ни текла, гдѣ нибудь текутъ слезы...

И къ тому же и Май смерти, какъ и Май жизни, цвѣтетъ только одинъ разъ. Терроръ девяностыхъ годовъ повториться не можетъ. Онъ имѣлъ въ себѣ наивную чистоту невѣденія, безусловную вѣру въ правоту и успѣхъ, которыхъ послѣдующіе терроры не могутъ имѣть...

И при всемъ этомъ терроръ нанесъ революціи страшный ударъ“.

Герценъ не формалистъ республиканскихъ и демократическихъ идей. "Я другъ республики и другъ демократіи, но гораздо больше другъ свободы, независимости и развитія.

Если мнѣ возразятъ, да можетъ ли быть свобода и независимость внѣ республики и демократіи? отвѣчу, что и съ ними онѣ не могутъ быть, если народъ не доросъ до нихъ. Развѣ вы не видите, что французская демократія, т. е. равенство въ рабствѣ, самая близкая форма къ петербургскому самовластью? (писано въ 1859 г.).

Тамъ, гдѣ республика и демократія сообразны развитію народному, тамъ, гдѣ онѣ не только слово, но и дѣло, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Швейцаріи, тамъ безъ всякаго сомнѣнія наибольшая личная независимость и наибольшая свобода“.

"Колоколь“ былъ органомъ русскаго социальнаго развитія. Первые четыре года, отъ 1857 до 1861 г.г., очереднымъ дѣломъ была борьба за освобожденіе крестьянъ съ землей. И тутъ заслуга Герцена неосцѣнима.

"Всегда во всемъ со стороны воли противъ насилія, со стороны разума противъ предрасудковъ, со стороны науки противъ изувѣрства, со стороны развивающихся народовъ противъ отстающихъ правительствъ“, Герценъ всегда на сторожѣ, всегда гроза крѣпостниковъ и мракобѣсовъ. Его боятся враги освобожденія. Черезъ него раздается голосъ защитни-

ковъ крестьянства. "Колоколь" — орудіе защиты слабыхъ, органъ обличенія властныхъ насильниковъ. До 1861 года его вліяніе растеть.

Если прослѣдить исторію развитія торжества идеи надѣленія крестьянъ землей, можно точными датами опредѣлить этапы проникновенія этой мысли въ умы правителей и въ законодательныя предположенія, и воочію увидѣть проявленіе вліянія "Колокола" и Герценовскаго печатнаго станка. Редакцію "Колокола" въ шутку называли особымъ отдѣленіемъ по изготовленію реформъ.

Чичеринъ, въ послѣдствіи противникъ Герцена, говорилъ ему: "право, надобно имѣть больше храбрости не быть у васъ, чѣмъ быть". Такъ продолжалось до 1861 г. Тутъ наступилъ переломъ. Состоялся актъ освобожденія крестьянъ. Въ нашемъ изгнаніи, — рассказываетъ Герценъ, — готовился праздникъ странный, необычайный. Русскіе выходцы сзывали изгнанниковъ на свободной британской землѣ, сзывали представителей самаго краснаго либерализма, самыхъ крайнихъ соціальныхъ ученій; на этомъ праздникѣ при громѣ Марсельезы я долженъ былъ провозгласить тостъ за Александра II, — начавшаго освобожденіе крестьянъ...

Этотъ тостъ раздался бы далеко...

Но страшная вѣсть отъ 10 апрѣля изъ Варшавы залила наши бокалы и плошки польской кровью.

Съ тяжелымъ сердцемъ, безъ рѣчей выпили мы за освобожденныхъ крестьянъ и освобождающихся поляковъ".

Тогда была написана знаменитая статья *Mater Dolorosa*. Въ ней Герценъ, обращаясь къ польскому народу, просилъ не вмѣнять русскому народу пролитой правительствомъ русскимъ крови.

Рѣзкія, пламенныя статьи противъ угнетенія Поль-

ши положили начало расхожденія Герцена съ тѣми кругами, которые до 1861 года шли въ направленіи освобожденія, но послѣ были испуганы движеніемъ. Сперва воспользовались для поворота къ реакціи впечатлѣніемъ петербургскихъ пожаровъ 1862 года, когда сгорѣлъ весь Апраксинъ дворъ. Потомъ вчерашніе либералы и славянофилы выстроились въ одну фалангу — противъ польской измѣны, противъ Герцена, пособника повстанцевъ, друга и помощника поджигателей...

Но что же говорилъ Герценъ о Польшѣ и Россіи?

Начиная съ первыхъ выступленій во Франціи и Англій, начиная съ первыхъ листовъ "Колокола", Герценъ выражаетъ одно и то же убѣжденіе по вопросу польско-русскихъ отношеній. Отдаленный идеаль Герцена — федерализація. Герцену кажется въ 1859 году, "что Польша и Россія могутъ рука въ руку идти одной дорогой. Но если Польша хочетъ другого рѣшенія, да будетъ на то воля ся"... "Судьба, совѣсть указываютъ, что надобно сдѣлать, надобно возстановить Польшу! Это было бы разомъ актомъ великаго покаянія и актомъ великой государственной мудрости". Но мудрость рѣдко правитъ судьбами народовъ... Разразилось польское возстаніе, спровоцированное русскимъ правительствомъ, привѣтствованное польскими вождями, не видѣвшими другого выхода.

Въ будущемъ не ближайшемъ Герценъ мечталъ о федерации Польши съ Россіей, — со славянами. Это для Герцена идеаль, широкая покойная гавань, — отчего ся не имѣть въ виду, хотя ясно, что дойти до нея надо черезъ рядъ разныхъ независимыхъ формъ и отдѣльныхъ сочетаній... А теперь :

Пусть Польша короче узнаетъ Русь (1859 г.).

Въ 1867 году, вспоминая прошлое, Герценъ писалъ : "Возстановить Польшу надобно было, чтобы

развязать себѣ, наконецъ, руки. Приданое ей дать надобно было, лишь бы сдѣлать изъ нея отрѣзанный ломоть. Проводить ее съ хлѣбомъ-солью, лишь бы освободиться отъ нея, а не держать ее противъ воли и мять ея раненное тѣло зубами вцѣпившагося бульдога”.

Между ожиданіями 1859 и воспоминаніями 1867 года пришло польское возстаніе.

Правое крыло русской печати ополчилось противъ поляковъ и, вмѣстѣ съ Катковымъ, противъ Герцена. Его обвиняли въ содѣйствіи польскому возстанію, поджигателямъ въ Россіи, обвиняли въ устройствѣ какой то повстанческой агенціи.

Герценъ горячо защищался противъ этого обвиненія. “Мы были съ самаго начала противъ возстанія и не только въ статьяхъ, но во всѣхъ разговорахъ... Мы умоляли поляковъ всѣхъ партій, всѣхъ отгѣнковъ не возмущать дѣла русскаго развитія и идти къ свободѣ и независимости инымъ путемъ, идти вмѣстѣ съ нами... Но остановить поляковъ мы не могли”.

Существуетъ мнѣніе, — его дѣлилъ самъ Герценъ, — что вліяніе “Колокола” погибло вслѣдствіе его статей по польскому вопросу. Герценъ ошибался. Онъ видѣлъ одну сторону явленія. Въ 1863 году расходъ “Колокола” съ 2500 — 3000 экз. сошелъ на 500 и ни разу не поднимался далѣе 1000 экз. Это произошло отчасти потому, что часть читателей “Колокола” перешла въ консервативный лагерь и не была замѣнена читателями лагеря прогрессивнаго, скажемъ, революціоннаго. Ибо отпали и эти читатели. И не изъ-за Польши. Руководящіе мнѣніемъ молодежи органы “Русское Слово” и “Современникъ” не иначе, чѣмъ Герценъ, относились къ польскому возстанію, но ихъ вліяніе не уменьшалось, а росло.

Въ 1863 году уже опредѣлился разрывъ Герцена

съ молодымъ поколѣніемъ, жадно внимавшимъ революціонно-нигилистической проповѣди. Разрывъ этотъ болѣзненно чувствовался Герценомъ. Онъ начался много раньше — со стороны Добролюбова и Чернышевскаго, онъ обострился въ столкновенияхъ съ "Собаками и Ноздревыми нигилизма", какъ Герценъ честилъ своихъ противниковъ въ эмиграціи — ретроспективно, впрочемъ.

Учителемъ и внушителемъ революціонно настроенной молодежи явился Бакунинъ, старый товарищъ, къ концу 60-хъ годовъ расхившійся съ Герценомъ...

Одиночество окружало Герцена въ послѣдніе годы его жизни. Отъ западно-европейскихъ дѣлъ онъ отвернулся давно и охота принимать въ нихъ участіе не возобновилась. Попробовалъ онъ издавать "Колоколъ" на французскомъ языкѣ, и остановился, чувствуя, "что голосъ русскаго не у мѣста въ семейныхъ совѣтахъ Запада".

— Теперь, — писалъ старый другъ Огаревъ:

Спѣши въ строкахъ послѣдняго сказанья,
Гдѣ завершится жизнь сама,
Отмѣтить всю работу пониманья,
Весь опытъ явственный ума".

Герценъ возвращается къ старымъ помысламъ, къ формулировкѣ основъ своего воззрѣнія. Онъ пишетъ свои письма къ старому товарищу.

Ими опредѣляется отношеніе Герцена къ путямъ разрушенія. Въ нихъ опредѣляется его путь, "ищущій освобожденія въ разумѣ".

Тогда не услышанъ былъ этотъ голосъ, но онъ донынѣ живъ для насъ. Эти письма точно для нашего времени написаны.

"Habent sua fata libelli". Про Герцена это можно сказать больше, чѣмъ про кого бы то ни было.

При жизни Герценъ не дождался того сочувственного голоса дѣтей Базарова, въ который онъ вѣрилъ.

Молодежь 70-хъ годовъ въ Россіи его не знала. Воззрѣнія Герцена на будущее русскаго народа, его надежды на общину и артель, были ходячими среди молодежи. Но источника этихъ идей русская публика не знала. В. Н. Фигнеръ, рассказывая о настроеніяхъ тогдашней молодежи, говорила: "Намъ тогда было не до Герцена".

Восьмидесятые годы прошлаго столѣтія были годами молчанія, разочарованія, равнодушія, реакціи. Имя Герцена въ Россіи не допускалось... Но воспоминанія Т. П. Пассекъ, уснащенные выписками изъ "Былого и Думъ", были встрѣчены съ живымъ интересомъ... Интересъ къ Герцену возвращается и растетъ вмѣстѣ съ ростомъ чувства свободы, вмѣстѣ съ интересомъ къ свободѣ политической и личной въ особенности. Имя его все чаще и чаще появляется въ печати, и, наконецъ, въ 1900 году, къ 30 лѣтію смерти Герцена, по всей линіи русской печати имя его воспоминается съ торжественнымъ признаніемъ, съ любовью... Только цензура мѣшаетъ распространенію Герцена въ Россіи. Въ 1905 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до 17 октября, появляется Павленковское урѣзанное изданіе, наканунѣ полной фактической свободы печати, въ минуты вѣщаго волненія, когда раздавались крики борьбы, лозунги всеобщей забастовки. Вниманіе публики къ Герцену нельзя было привлечь...

Да и другое, неурѣзанное, полное изданіе было нужно. Оно появилось, наконецъ, — съ массой ненапечатаннаго матеріала. Бездна труда была затрачена. Вышло 7 томовъ изъ предложенныхъ 14-ти и изданіе остановилось... — а тамъ большевистская революція.

Сочиненія Герцена націонализированы. И издавать въ Россіи ничего нельзя...

— Да нуженъ ли Герценъ? Не исторія ли все это? Герценъ — не прошлое ли? Читать его можно, но нельзя уже переживать. — Такъ ли полно? Былъ бы съ нами Герценъ въ эти пять десятилѣтій, иначе бы пошла исторія. Изъято было вліяніе духа свободы, сочетавшагося съ великимъ гуманизмомъ, съ сознаниемъ, что ходъ исторіи измѣнить нельзя.

Теперь, въ роковые годы разрухи русской, — развѣ ненуженъ намъ свѣтъ мысли Герцена, указывающей народу русскому его будущее, основанное на особомъ взглядѣ на земельное право? Развѣ не подтверждаютъ событія вѣрности основнаго направленія мысли Герцена? Развѣ не поражаетъ насъ тотъ фактъ, что новыя славянскія государства, какъ и Россія, начинаютъ новую жизнь съ аграрной реформы, — Польша, Югославія, Чехо-Словацкая республика? Въ этой основѣ своего воззрѣнія Герценъ правъ, и слова его — правда живая, хотя взгляды его на общину не выдержали испытанія исторіи. Польская проповѣдь Герцена, его славянскія ожиданія — развѣ это отжито? Развѣ не оправдалось слово Герцена, развѣ не чувствуетъ русская совѣсть великаго облегченія отъ освобожденія Польши, и развѣ не открываетъ намъ мысль Герцена — великія возможности на путяхъ братства и союза тамъ, гдѣ прежде царили угнетеніе и вражда?

Теперь, когда рухнула монархія Голштинскихъ Романовыхъ, какимъ пророчествомъ кажется намъ Герценовская характеристика императорства, совмѣщающаго въ себѣ всѣ виды власти — помѣщика, папы, палача, родной матери и сержанта. Русская императорская власть, — писалъ Герценъ, — это военная диктатура, гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ

быть очень сильна, поглощать въ себя всё власти, но прочной она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства, ее вызвавшія, останутся тѣ же и пока она сама вѣрна своему призванію...

Герцена не вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Ивана Васильевича, Успенскій Соборъ. Развѣ Наполеонъ не рядился въ мантию Карла Великаго?.. Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитію народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованіи, и можетъ держаться императорство...

Самодержавіе, какимъ его хотѣли видѣть Николай I и II, это для Герцена поддѣлка вродѣ Чаттертона...

"Самодержавіе, которое само собой держится и притомъ чортъ знаетъ на чемъ".

Вѣдь оказалось — правда. Герценъ далеко видѣлъ впередъ. Втъ почему примѣръ его живой непоколебимой вѣры въ народъ русскій особенно дорогъ для насъ въ нынѣшнія минуты сомнѣнія, подчасъ отчаянія.

Среди крушенія Россіи, подъ властью тьмы, какимъ облегченіемъ было бы перечитать тѣ полныя глубокой мысли и вдохновенія мудрости страницы, которыя называются "Письмами къ старому товарищу" (Бакунину).

Для Герцена, какъ и для Бакунина, одинъ вопросъ и есть — социальный, и одно конечное разрѣшеніе. Но у него другой методъ, другая практика. Бакунинъ зоветъ "впередъ за неизвѣстнымъ богомъ истребителемъ, спотыкаясь на разбитыя сокровища".

Герценъ помнить, что "общее постановленіе задачи не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчищать развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями какой нибудь буржуазный міръ. Потому что онъ не конченъ внутри...

Петроградизмомъ социальный переворотъ дальше каторжнаго равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдетъ...

Социальному перевороту ничего не нужно, кромѣ пониманія и силы, знанія и средствъ. Но знанья и пониманья не возьмешь никакими *coup d'état* и *coup de tête*...

Новый водворяющійся порядокъ долженъ явиться не только мечемъ рубящимъ, но и силой хранительной. --- Всякое дѣло, совершающееся при пособіи элементовъ безумныхъ..., непремѣнно будетъ имѣть и безумные результаты рядомъ съ дѣльными.

Всякія попытки перескочить сразу отъ нетерпѣнья приведуть къ страшнѣйшимъ столкновеніямъ. — Что же, въ случаѣ мѣстной временной побѣды, начать водворенье новаго порядка, новаго освобожденія—избѣненіемъ?

Не начать ли новую жизнь съ сохраненіемъ социального корпуса жандармовъ? Неужели цивилизація кнутомъ, освобожденіе гильотиной составляютъ вѣчную необходимость всякаго шага впередъ?

Я не вѣрю въ революціонные пути и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобы знать, какъ идти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мной, не могутъ идти?"

Герценъ защищаетъ существованіе государства: "Нельзя освобождать людей въ наружной жизни больше чѣмъ они освобождены внутри. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы!.."

Иконоборцы революціи не останавливались на отрицаніи государства и церкви, ихъ усердіе шло до гоненія науки, до призывовъ оставить науку и идти на какой

то бессмысленный бой разрушенія. Это, — писалъ Герценъ, — принадлежитъ къ самой неистовой демагогии и самой вредной. За ними такъ и слѣдуетъ разнузданіе дикихъ страстей...

"Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнузданіемъ дурныхъ страстей... Бойцы за свободу въ серьезныхъ поднятїяхъ оружія всегда были святы, какъ воины Кромвеля и оттого сильны...

Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ...

Апостолы намъ нужны прежде саперовъ разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но противникамъ"...

Герценъ жалѣетъ послѣднихъ: "Имъ надо раскрыть глаза, а не вырвать ихъ".

"Я не только жалѣю людей, но жалѣю и вещи .

Дико необузданный взрывъ ничего не пощадить; онъ за личныя лишенія отомститъ самому безличному достоянію. Съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, погибнетъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнья въ поколѣнье и отъ народа къ народу.

Довольно французская революція наказала статуи, картины, памятниковъ"...

Этотъ голосъ вопіетъ къ нашему времени разрушенія и террора, принесшихъ Россіи голодъ, нищету, смерть...

Герценъ не оставилъ догматическаго изложенія своихъ взглядовъ. Написанное имъ — безчисленный рядъ афоризмовъ, глубокихъ мыслей, яркихъ образовъ, мѣткихъ опредѣленій, предвидѣній въ далекое будущее, остроумныхъ сопоставленій, пламенныхъ дирамбовъ...

Герценъ безконечно разнообразенъ: онъ философъ (письма объ изученіи природы, статьи о диллетантизмѣ въ наукѣ), романистъ, публицистъ, повѣствователь.

Все имъ написанное проникнуто глубокимъ пониманіемъ, гуманизмомъ и великимъ чувствомъ свободы, Къ ней зоветъ Герцень.

"Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобы освободить человѣчество, — себя освободить, какъ много бы они сдѣлали для освобожденія человѣка".

Въ наукахъ естественныхъ, въ математикѣ, личность учителя и проповѣдника безразлична. Не то въ вопросахъ общественныхъ. Тутъ не только важно, что проповѣдуютъ, — важнѣе, пожалуй, — кто проповѣдуетъ. Благая вѣсть не возвѣщается низкимъ проповѣдникомъ. Ему не вѣрятъ...

И личность Герцена намъ дорога не меньше, чѣмъ его проповѣдь.

Помните стихъ Некрасова, обращенный къ Россіи?

"Попробуй, усомнись въ своихъ богатыряхъ, когда и въ наши времена выносятъ поколѣнье два-три человѣка".

Герцень изъ числа тѣхъ, кто вынесъ свое поколѣнье, два поколѣнья.... Ему предшествовало поколѣнье, давшее декабристовъ. Героическая фаланга исчезла, казнена, сослана. А потомъ, отъ 1826 до 1855 г., въ томъ омутѣ, какъ называлъ Пушкинъ русскую жизнь, кто былъ человѣкомъ, живой душой? Лишніе люди, сдѣлавшіеся лишними, ибо развились въ людей — Онѣгины, Печорины, Рудины, Бельтовы? Люди ломались, люди смирялись, люди уходили. Единицы оставались дѣятелями, не сдаваясь. Герцень самый яркій изъ всѣхъ. Подумайте: въ темную ночь пущей реакціи, послѣ 1848 года, когда во всей Россіи все молчало " на всѣхъ языкахъ ", когда вся страна была закована въ рабство, всѣ надежды потухли, когда весь міръ смотрѣлъ на громадный ледникъ деспотизма, угрожающій спуститься на Европу, — раздается голосъ изгнанника, проповѣдующій сво-

боду странъ рабовъ, возвѣщающій міру ся великое будущее, исповѣдующій пламенную вѣру въ народъ этой страны. Мнѣ всегда, при мысли о Герценовской проповѣди, вспоминается " Слышу! " Тараса Бульбы, отвѣтъ на вопль мучимаго сына: " Батько, гдѣ ты, слышишь ли ты меня?" Словомъ начинается освобожденіе народа и первое свободное слово — подвигъ. Для Россіи его совершилъ Герценъ. И это не забудется ему. Но мало того, что мы несемъ ему наше признаніе, нашу благодарность. Тѣ, кто узнаютъ Герцена, не могутъ не любить его.

Онъ самъ раскрылъ свою душу со всею искренностью, съ исчерпывающей откровенностью.

Сколькихъ людей видѣли мы, принимающихся за чтеніе Герцена съ снисходительнымъ сомнѣніемъ. И скоро они не могутъ оторваться, они увлечены Герценомъ, они его любятъ...

Его разсказъ о самомъ себѣ горитъ и жжется, по выраженію Тургенева.

Какое богатое, яркое существованіе, какая широкая душа, открытая всму благородному, и какая нѣжная вмѣстѣ съ тѣмъ. Какой пронизательный умъ! — "Зачѣмъ одному человѣку столько ума?" — говорилъ Бѣлинскій.

И какъ въ условіяхъ старой крѣпостной Россіи могъ вырасти этотъ человѣкъ съ смѣлой мыслью, съ чуткимъ сердцемъ?

Прочтите. Онъ самъ разсказалъ объ этомъ въ неподражаемомъ разсказѣ "Былое и Думы". Тутъ вся жизнь, съ ея испытаніями, съ ея любовью и ненавистью, съ ея мыслью и съ ея дѣломъ.

Тутъ живое отраженіе жизни трехъ русскихъ поколѣній. Тутъ проходятъ предъ нами въ живыхъ образахъ герои и толпа европейскаго освобожденія.

То, что писалъ Герценъ въ "Быломъ и Думахъ" о людяхъ 40-хъ годовъ, цѣликомъ входитъ въ исторію культуры.

Образы Гарибальди, Маццини, Орсини, Прудона, картины 1848 года останутся вѣчно живыми и сохранятся для европейскаго читателя такъ же, какъ и для русскаго.

Для насъ, русскихъ, Герценъ живъ вмѣстѣ съ неизмѣннымъ другомъ своимъ, поэтомъ Огаревымъ, вмѣстѣ съ женой своей, Натальей Александровной. Герценъ и Огаревъ неразрывно связаны другъ съ другомъ со времени дѣтства до смерти.

Въ 1826 г. два мальчика, одинъ 14, другой 13 лѣтъ, на Воробьевыхъ горахъ, въ виду Москвы, въ порывѣ отроческаго энтузіазма, дали другъ другу клятву посвятить свою жизнь освобожденію русскаго народа. Эту клятву они помнили всю жизнь. И, что рѣдко бываетъ съ юношескими клятвами, она была исполнена.

Герценъ не разъ вспоминалъ, что нерѣдко рядомъ съ дѣятелями сильными, рвущимися, гнѣвными, появляются товарищи ихъ, проникновенные, тихіе, любящіе. Ихъ личность побѣждаетъ не силой, а привлекательностью. Таковъ Меланхтонъ рядомъ съ Лютеромъ, "въ гнѣвѣ чувствующимъ душу свою". Таковъ тихій, грустный Огаревъ, рядомъ съ шумнымъ и славнымъ Герценомъ (какъ его называлъ Тургеневъ).

Огаревъ — поэтъ свободы, но еще болѣе поэтъ грусти, сомнѣнья, раздумья. Онъ не борецъ и не обличитель. — "Упрекъ ли небу скажетъ гордый умъ? За чѣмъ упрекъ? Смиренье въ душу вложимъ и въ немъ затворимся, безъ желчи, если можемъ."

Лучшее твореніе Огарева — его личность. Такъ выражается одинъ изъ его сверстниковъ Анненковъ (привожу слова эти на память, приблизительно). Всюду, гдѣ Огаревъ ни появлялся, вскорѣ возникалъ Огаревскій

культъ. И для насъ остается отъ него — грустная и тихая, милая поэзія, иногда переходящая въ музыку. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ, кажется, не перелагался такъ часто на музыку.

Огаревъ памятенъ намъ самъ по себѣ, какъ любимый поэтъ. Но въ памяти далекаго потомства и онъ, и Герценъ останутся вмѣстѣ, какъ жили, — побратимами свободы.

"Въ сущности, одна женщина и была въ моей жизни", — говоритъ Герценъ, вспоминая о своей женѣ. Дума о ней, объ ея судьбѣ, побудила Герцена писать свои воспоминанія, свое "Былое и Думы".

То должна была быть исповѣдь, отчетъ своимъ и себѣ о томъ, какъ произошла та драма, которая повлекла за собою смерть Натальи Александровны Герценъ.

Отступая отъ этого разсказа, писалъ Герценъ все остальное. Онъ написанъ, этотъ разсказъ, но еще не обнародованъ.

Вотъ слова Герцена: "Не за горами и то время, когда будетъ напечатанъ пятый томъ (Былого и Думъ), самый дорогой для меня". Оно наступило. Томъ этотъ и письма, сюда относящіяся, готовы были къ печати...

Большевики все остановили...

Свою любовь, свое преклоненіе, свою благоговѣнную память о женѣ, Герценъ сумѣлъ выразить въ незабываемомъ образѣ, полномъ кроткой прелести и обаянія.

Онъ будетъ ярче, онъ выростетъ для насъ, когда появится разсказъ о событіяхъ, около которыхъ накопилось столько невѣрныхъ легендъ.

Еще не завершена рѣчь Герцена, — мы не слышали еще его послѣдняго слова, послѣдней задушевной исповѣди.

Она появится.

На насъ лежитъ великій долгъ по отношенію къ памяти Герцена.

Сознаніе этого долга и этого грѣха отъ времени до времени порождаетъ у насъ, въ Россіи, разговоры о перенесеніи въ Москву праха покойнаго.

Не время теперь. Не будемъ касаться кладбища, освященнаго любовью. Пусть останется на мѣстѣ памятникъ изгнанія. На насъ лежитъ долгъ поставить въ Москвѣ другой памятникъ, — памятникъ торжества.

На насъ лежитъ еще долгъ, — дать родинѣ цѣликомъ все сокровище мысли и чувства Герцена, — полное изданіе его произведеній.

Послѣ перваго марта 1917 г. многое готовилось. Торжество большевиковъ положило всему конецъ...

Не на всегда же это. Все возродится вмѣстѣ съ возрожденіемъ Россіи,

Оставаясь на чужбинѣ, Герценъ друзьямъ своимъ завѣщалъ одинъ возгласъ : "За Русь и святую свободу!"

Этими словами вѣры закончимъ и мы.

Ф. Родичевъ.